

«ПСИХИКА» И «ЛИЧНОСТЬ» В ОТСУТСТВИИ «ДУШИ» И «ДУХА»¹

Б.С. БРАТУСЬ

Описаны культурно-исторические условия и причины исчезновения из лексикона научной психологии понятия о душе, даны обоснования необходимости его возвращения, намечены предпосылки и конкретные методологические пути к этому. Проведен сравнительный анализ употребления понятий: «душа», «дух», «психика», «личность» и производных от них — «душевное», «духовное», «психическое», «личностное». Описаны признаки внешней и внутренней сторон души, способы их презентации и отнесения к разным уровням психического аппарата. Обоснован вывод о наступлении нового витка отношения психологии к философии, о необходимости создания и развития новой науки — философии психологии.

Ключевые слова: личность, психика, душа, дух, методология науки, философия психологии, теология.

Напомним ставшее крылатым высказывание Германа Эббингауза: «Психология имеет давнее прошлое и короткую историю». Действительно, история психологии как науки весьма коротка, ее условным временем рождения считается 1879 г., в котором была основана Вильгельмом Вундтом первая в мире Лаборатория экспериментальной психологии при Лейпцигском университете. Психология перестает быть только частью философии и житейских умозрений, но начинает исходить из научного мировоззрения и сознательно строить себя по образцу естественных наук. Неслучайно поэтому в числе первых научных психологов мы находим столько физиологов, врачей, психиатров, невропатологов. В заголовке известной статьи И.М. Сеченова прямо стоял вопрос: «Кому и как разрабатывать психологию?» Ответ Сеченова был совершенно однозначным: разрабатывать только физиологу, естествоиспытателю и только объективными методами. Поэтому и психологические лаборатории того времени по

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-06-00590 «Вера как общепсихологическая категория». This work was supported by the Russian Foundation for Humanities (project № 13-06-00590 "The faith as the subject for general psychology").

своему виду и оборудованию часто не многим отличались от физиологических (кимографы, хроноскопы и т.п.). Недаром Первый всемирный конгресс психологов, созданный, кстати, по инициативе русского ученого (врача Ю.А. Охоровича), был назван «Конгрессом по физиологической психологии» (Париж, 1899 г.). Эпитет «физиологическая» весьма точно отражал суть родившейся тогда научной психологии.

Коллизия эта устраивала далеко не всех. Так, в 1916 г. С.Л. Франк с горечью констатировал: «Мы не стоим перед фактом смены одних учений о душе другими (по содержанию и характеру), а перед фактом совершенного устранения учений о душе... Прекрасное обозначение “психология” — учение о душе — было незаконно похищено и использовано как титул для совсем иной научной области» [Франк, 1995, с. 422—423].

Но если в начале XX в. потеря психологией души могла рождать споры, недоумения, сожаления, то ныне — столетие спустя — положение стало давно рутинным, привычным, и практически уже никого из психологов не задает, не тревожит, что их наука, вопреки своему названию, вовсе не о душе человеческой. Но если профессиональные психологи уже вполне смирились, прочно вытеснили, забыли исходное назначение своей науки, то люди со стороны (как раньше говорили, «публика») по-прежнему обманываются словом и ждут от психологов глубин и откровений о душе человеческой. С этим ожиданием идут на психологические факультеты и многие абитуриенты. И им предстоит разочароваться, поскольку речь пойдет не о душе вовсе, но о *психике*.

Чтобы уловить разницу, не нужно особого богословского или психологического образования. Интуитивно это понятно каждому. На одном из семинаров моя коллега, профессор Г.А. Цукерман, наглядно показала это. Она предложила собравшейся аудитории заменить слово «душа» на слово «психика» в расхожих выражениях вроде: «я в нем *души* не чаю», «мы живем *душа* в *душу*», «у нас царит *душевная* атмосфера» и т.п. Реакцией зала было оживление и смех. Действительно, никто, даже в порядке оговорки, не спутает, не скажет «я в нем *психики* не чаю», «мы живем *психика* в *психику*», «у нас царит *психическая* атмосфера» и т.п.

Но является ли это свидетельством полного разведения, несовместимости, несостыковки двух психологий: умозрительной и научной, психологии как «слова о душе» и психологии как «науки о психике»?

Для начала обратимся к самому понятию «душа». Здесь нам придется прежде всего констатировать отсутствие однозначности. Например, в «Полном церковно-славянском словаре» приводится много толкований, среди которых «душа» определяется как:

1) «Начало жизни чувственной, общее человеку и бессловесному животному»;

- 2) «Самая жизнь, ...то, чем человек живет, пропитывается»;
- 3) «Сам человек»;
- 4) «Духовная часть существа человеческого, противопоставляемая чувственной или телу»;
- 5) «Начало жизни, помышлений, ощущений и желаний собственно человеческих, которые берутся иногда отдельно от души и одни от других»;
- 6) «Начало мысленной и умственной жизни»;
- 7) «Желание, воля, дух, бодрость, самочувствие, образ мыслей, чувствований и самой жизни»;
- 8) «Наружный вид, внешнее состояние»;
- 9) «Тело, чрево, аппетит» (вспомним старое приглашение гостю к обильному застолью — отведать чего и сколько «душа пожелает»);
- 10) «Умершее или мертвое тело, труп» (вспомним «Мертвые души» Н.В. Гоголя);
- 11) «Сердце»;
- 12) «Существо живое, дышащее» и др. [Полный церковно-славянский словарь, 1993, с. 159].

Посмотрим на этот, пусть далеко не полный, перечень бытовавших и бытующих значений и зададимся вопросом, что может стать здесь объектом науки (в частности научной психологии), а что требует иных, нежели научные, способов познания. На наш взгляд, единственным пунктом, на который опытная наука не вправе непосредственно и прямо претендовать, является четвертый пункт — *душа как «духовная часть существа человеческого»*, ибо здесь методы познания уже иного, нежели научно-психологического, порядка и уровня (философия, теология, культурология и др.). Однако все остальные пункты открыты психологическому исследованию, а некоторые прямо и непосредственно обращены, апеллируют к психологической науке. Это и изучение «начала жизни чувственной, общей человеку и бессловесному животному», изучение «помышлений ощущений и желаний собственно человеческих», которые — очень важное замечание — «берутся иногда отдельно от души и одни от других», т.е. существуют и правомерно могут рассматриваться как относительно самостоятельные органы, процессы, составляющие (объединенные в особый отдельный аппарат или область). Именно этим, а не чем иным, и занималась классическая научная психология, именно эта область стала называться **психикой**, в отличие от **души**, понимаемой по преимуществу как духовное начало.

Иными словами, в дихотомии «тело — душа» психика как объект психологии занимает место между душой и телом, покрывая при этом как часть телесности (или, по точному выражению профессора В.И. Слобод-

чикова, «область оплотнения психического» — психофизиологию²), так и обширную часть области, традиционно относимую к душе (мышление, память, восприятие, эмоции, чувства и др.) [Слободчиков, 2007].

Следует напомнить, что дихотомия «тело — душа» — одно из наиболее принятых и давних, но не единственное деление человеческого состава. Не менее почтенна по возрасту, значима и распространена тримерия «тело — душа — дух». Эти подходы не противоречат друг другу: дух, как определяющее, подразумевается и в первом подходе, входя тогда в состав души (вернее, в одну из многих, как мы видели, ее ипостасей); во втором же — он обозначен как особое пространство и уровень. «Относя слово это к человеку, — писал Владимир Даль, — иные разумеют душу его, иные же видят в душе только то, что дает жизнь плоти, а в Духе — высшую искру божества, ум и волю, или же стремление к небесному» [Даль, 1995, с. 503].

Понятно, что при последнем (тримерном) подходе психология может в своих исследованиях претендовать едва ли не на всю область душевного. Вообще, если термин «душа» лишь с достаточными оговорками и ограничениями, как мы видим, сопоставляется, соотносится с термином «психика», то между терминами «душевный» и «психический» такого расстояния и напряжения уже нет. Скажем, определения болезней — как «психических» или как «душевных» — могут считаться синонимическими (правда, последнее выглядит уже несколько архаическим). В цитированном выше «Полном церковно-славянском словаре» «душевный» понимается как «...имеющий душу животную, живой, дышащий; живущий под началом мира чувственного; происходящий от души, искренний; руководящийся в мышлении началами естественными...» [Полный церковно-славянский словарь, 1993, с. 160]. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) в своих проповедях говорил: «Что значит слово “душевный”? Душу имеют и животные. Душа это совокупность всех наших впечатлений, всех внешних восприятий. Душу составляют наши мысли, желания, стремления. Все это есть и у животных... Если человек живет главным образом этими стремлениями, этими желаниями, а не стремлениями высшего порядка, он заслуживает названия человека душевного» (или — чуть выше — «внешнего») [Лука (Войно-Ясенецкий), 2013, с. 27].

Тогда получается, что если вернуться к дихотомии (тело — душа), то научная психология «потеряла», точнее вывела из рассмотрения, учета, подразумевания не целиком «душу», а лишь ее составляющую часть (пусть важнейшую — «внутреннюю»). Если придерживаться тримерии, то «по-

² Много раньше Андрей Белый так описал однажды свое состояние во время тяжелой болезни: «Я наблюдал: психология оплотнела во мне в физиологию» (цит. по: [Слободчиков, 2007, с. 29]).

терянными» оказываются «дух» и, соответственно, те связи, отношения, которые соединяют (или разъединяют, например в случае аномалий) его с «душой» и «телом».

Так или иначе, можно констатировать, что «душа» обернулась для ученых «психикой», т.е. редуцированным (по отношению к «душе») пространством, из которого вычли метафизическое измерение, и это — подчеркнем еще раз — не было злым умыслом или бессознательным порывом, но прямым условием (если хотите — платой) за входение в тогдашний круг естественных наук. Основатель отечественной научной психологии Г.И. Челпанов писал в 1888 г.: «Хотя психология, как обыкновенно принято определять ее, и есть наука о душе, но мы можем приняться за изучение ее “без души”, т.е. без предположений о сущности, непротяженности ее, и можем держаться в этом примера исследователей в области физики» [Челпанов, 1912, с. 9]. Думается, что Г.И. Челпанов совсем не случайно в конце XIX в. поставил «без души» в кавычки, чтобы показать относительность сказанного, условность, подразумевающую не вообще отрицание, но абстрагирование (только) от метафизической составляющей.

Итак, психология была отделена от души, но отделена, по первоначальному, условно, как некоторое вынужденное условие для начала научной работы, для которой (как и во всякой науке) требовался *идеальный*, а не *реальный* объект — в данном случае душа без метафизических атрибутов непротяженности. Драма дальнейшего развития (не только психологии, но — в известной мере — науки в целом) состояла в том, что эта условность из временного допущения стала устойчивым (и в этом плане безусловным) постулатом. В результате вся психология начала строиться так, словно сокровенной души (тем более духа) и нет вовсе. Понятие «душа» окончательно растворилось, исчезло из психологических писаний, ушло из научного лексикона и внимания³.

Таким образом, в основе сложившегося в психологии отношения к душе часто лежат ставшие привычными, и потому не замечаемыми, терминологические неувязки, неучет множественного толкования души.

³ Более того, одно упоминание о ней способно вызвать лишь раздражение и досаду у некоторых современных психологов. «Есть понятие, — рассуждает, например, М.Ю. Кондратьев, — которое я бы изъясил из многих психологических словарей и которое не имеет отношения к психологической науке, да и к науке вообще. Для меня странно выглядят те психологические словари, где присутствует понятие “душа”» [Кондратьев, 2005, с. 255]. Но даже в упомянутых «странно выглядящих» психологических словарях, «душа» была нередко сведена к «психике», например, как понятие, «отражающее исторически изменившееся воззрение на *психику* человека и животного». [Психология, 1990, с. 112].

Но если даже убрать все варианты и нюансы, то и тогда останется, по крайней мере принципиальная, двоякость восприятия (вспомним образ у Ф.И. Тютчева, что душа «бьется на пороге как бы двойного бытия», что она «жилица двух миров»). Действительно, с одной стороны, она воспринимается как живое вместилище, орган разнообразных душевных (столь близких, столь сливающихся с психологическими) проявлений. И это восприятие отнюдь не абстрактно и не отвлеченно. Всем или, по крайней мере, многим понятно на вполне чувственном, личном опыте, что имеется в виду, когда говорят: душа болит, страдает, помнит, забывает, ликует, поет, плачет, восстает, спит, просыпается, обретает покой (или, напротив — не находит нигде покоя), съеживается, расправляется, рвется наружу, уходит внутрь (иногда даже точно указывается куда — как ни странно — «в пятки») и т.п. Она может быть сытой, довольной («ну, теперь твоя душенька довольна?»), голодной, мягкой, твердой, униженной, гордой, смиренной, высокой, низкой, серенькой, яркой. Ею можно любоваться, отвергать, презирать, ее можно раскрывать, ею можно овладеть, ее можно разбить, разорвать, в нее можно наплевать, влезть (обидно, когда грязными руками, да и когда кошки скребут — мало приятного).

Подумайте только — какое обширное поле столь многообразных феноменов, оттенков, которые, тем не менее, составляют некую целостность, непосредственную отнесенность к тому живому и трепетному образованию, что веками обозначается как «душа» (именно «душа», ведь не «психика» же с радости воспаряет, а со страха холодеет или «уходит в пятки»). Но при всей важности этого ракурса, речь в нем идет пока по преимуществу о мире **внешней** стороны души, ее явлениях, проявлениях, переплетениях. Есть, однако, и **внутренняя**, сокрытая, сокровенная сторона, рассматриваемая обычно метафизически, религиозно, духовно — как некая бессмертная (неуничтожимая) энергия и субстанция, что может отпечатываться, проявляться в тех или иных внешних параметрах, но отнюдь к ним не сводиться, равно как из них прямо не выводиться. Это душа во втором уже понимании⁴. Но — следует особо подчеркнуть — это не две разные души, а разные аспекты, ипостаси, стороны (внешняя и внутренняя) единой души.

Исходя из этого, как думается, принципиально важного различения, мы можем теперь по-иному посмотреть на судьбу души в психологии. Оказывается тогда, что, несмотря на все громкие декларации, изгнание (неприятие) самого термина, «душа» из психологии никогда не уехала полностью. В своем первом значении, например под именем «пережи-

⁴ Материалистическое сознание может дать и другое толкование второму пониманию души, например, нравственно-философское.

ваний», «эмоций», «чувств», «состояний» и т.п., она всегда оставалась в поле внимания психологов. Возьмем только проблему переживаний в отечественной традиции: Л.С. Выготский не раз подчеркивал их важность; С.Л. Рубинштейн рассматривал переживание в качестве важнейшей способности личности; Ф.В. Бассин считал, что «значимые переживания» (значимые для личности) есть, собственно, основной предмет психологической науки; оригинальная трактовка переживаний дана Ф.Е. Василюком и др.

Иное дело душа во втором понимании, она — и это надо признать твердо — была и будет оставаться вне досягания психологическими методами. Интересно, что необходимость такого разграничения, применительно к научной психологии, была отмечена еще в начале прошлого века. Об этом, по сути, говорил епископ Анастасий на открытии (23 марта 1914 г., по старому стилю) первого в России (и одного из первых в мире) Психологического института, созданного при Московском университете. Тогда после торжественного молебна он обратился к присутствующим ученым (цвету тогдашнего научного сообщества), гостям, студентам с речью, в которой, в частности, были такие слова: «До последнего времени изучение душевной жизни производилось лишь при помощи самонаблюдений, но несколько десятилетий назад человек, измеривший моря и земли, исчисливший движение планет небесных, подошел к душе с мерою и числом. В Старом и Новом свете при помощи хитрых аппаратов уже пытаются путем воздействия на тело заставлять душу давать нужные им ответы, стремятся с точностью установить законы душевной жизни. И конечно, возможно точное изучение душевных явлений, вообще говоря, можно только приветствовать. Но стремясь расширить круг психологических знаний, нельзя забывать о естественных границах познания души вообще и при помощи экспериментального метода в частности. Точному определению и измерению может поддаваться только лишь внешняя сторона души, та ее часть, которая обращена к материальному миру, с которым душа общается через тело. Но можно ли исследовать путем эксперимента внутреннюю сущность души, можно ли измерить ее высокие проявления? <...> Не к положительным, но к самым превратным результатам привели бы подобные попытки» [Речи и приветствия..., 1994, с. 2].

Психологи ни тогда, до революции, ни тем более после нее не вняли значимости этого предостережения. Разумеется, они не могли (по определению) исследовать внутреннюю сущность души «мерой и числом». Но они пошли другим и, как оказалось, не менее опасным путем — во все исключили душу в целом (как предмет общего и смыслообразующе-

го отнесения) из своего внимания, учета и рассмотрения⁵. В результате психология как научная дисциплина началась, что мы уже знаем, с потери души, оказавшейся отнюдь не последней на её пути. Вспомним, сказанные не без доли иронии, слова из Британской энциклопедии 60-х гг. прошлого столетия (научной психологии уже под девяносто лет): «Бедная, бедная психология — сперва она утратила душу, затем психику, затем сознание, а теперь испытывает тревогу по поводу поведения».

Действительно, история научной психологии — это история утрат смыслообразующих категорий (или, точнее, жертва ими), из которых первой и главной была душа. Психология единственная, наверное, наука, само рождение, весь арсенал и достижения которой связаны с доказательством, что то, ради чего она замышлялась — *псюхе*, душа человеческая, не существует вовсе. Душа была принесена в жертву определенным образом понимаемому *научному мировоззрению*, поскольку не вмещалась в его прокрустово ложе. Метод стал самостоятельным, диктующим, *каким* должно быть предмету исследования, и поскольку душа (повторим, ее внутренняя сторона) не поддавалась, не улавливалась, этим способом, то она целиком попросту была вынесена за методологические скобки.

Если посмотреть на произошедшее в культурно-историческом плане, то оно иллюстрирует общий не только для психологии, но и всего нашего времени процесс «снижения вертикали бытия», последовательного вынесения за скобки вышележащих смыслозадающих уровней и причин [Братусь, 2000]. Из последних примеров — упование на развитие нейронаук, исследование мозговых механизмов как будущего психологии. «Сейчас, — утверждает Г.Г. Аракелов, — когда главенствует эксперимент, фактология, многие существующие ранее мифы разрушаются или уже разрушены. Поэтому, по нашему мнению, психология, несмотря на то что она вышла из недр философии, должна максимально от нее отдаляться и “дрейфовать” в сторону конкретных объективных наук. Сам термин “психика” всегда вызывал и вызывает неоднозначную реакцию — от полного его неприятия до желания заменить су-

⁵ В качестве немногих исключений можно назвать родоначальника психофизиологии Фехнера, который декларировал свою теорию как установление «точной связи между телом и душой», но последняя бралась прежде всего в ее внешнем понимании, причем упрощенном, что не выводило, в целом, фехнеровские изыскания за грань тогдашней «физиологической психологии» [Гусев, 2007]. Дальнейшие исследователи уже не ставили (вытесняли, отрицали, стеснялись) самой постановки возможной связи с душой и предпочитали говорить лишь о психике как таковой.

ществительное “психика” на прилагательное “психическое” (что, по мнению Дж. Фишбаха, уменьшает эмоциональную напряженность при восприятии указанного существительного)... Нам кажется разумным отдать обсуждение психофизиологической проблемы и содержания термина “психика” на откуп философам... Тогда психолог не будет ограничен неопределенностью понятия “психика”, а будет работать с конкретными психическими явлениями и состояниями, выявлять закономерности их протекания, изучать мозговые механизмы их возникновения» [Аракелов, 2012, с. 64—65].

Разумеется, призыв «работать с конкретными психическими явлениями» ничего кроме профессионального одобрения вызвать не может. Но принципиальное отделение явлений психики от каких-то общих представлений о психике как о явлении видится уже крайним упрощением, редукционизмом, ведущим к снижению, уплощению вертикали бытия. Так душа оказалась сведенной к психике, психика — к отдельным психическим явлениям, которые, в свою очередь, — к мозговым механизмам. Или — душа растворяется без остатка, поглощается психикой, а последняя — ее явлениями и, наконец, реализующими их мозговыми механизмами.

У Л.Н. Толстого в критике науки есть мысль, что она изучает тени вместо предметов, что ученые забыли предмет, тень которого изучают, и, все более углубляясь, радуются, когда «тень сплошная». И в данном случае явления и проекции стали восприниматься сами себя объясняющими, душа, как исходное смысловое начало и жизненное отнесение, ушла из психологических писаний, более того, стала тенью, вернее, «тенью тени» — продуктом явлений психики. Свет ее погас (в рукописаниях психологии, разумеется, а не в реальности), и эти сумерки стали привычной методологической действительностью нашей науки.

* * *

Редуцирование, затушевывание реальности души привело в психологии к целому ряду серьезных следствий. Возьмем, например, проблему нормы, нормального и аномального развития личности человека. Критерии нормы стали в основном относиться к психическому, психофизиологическому уровню, к механизмам функционирования, к адаптивности, приспособленности к окружению, к полноте удовлетворения потребностей и т.п. Образно говоря, главным стало признаваться не куда человек стремится идти, а правильна ли и хороша ли его походка; не про что он думает, а эффективно ли работают мозговые процессы; не о чем помнят, а какое количество единиц информации обрабатывает и запоминает.

Разумеется, надо еще раз повторить, нельзя сколь-нибудь принижать базовой значимости этого функционирования, согласной работы всего сложнейшего и тончайшего аппарата психики, и, соответственно, открытых учеными закономерностей и механизмов проявлений памяти, внимания, восприятия, мышления, эмоций и т.д. Но если в общепсихологическом плане ставить это во главу угла, рассматривать это не как необходимое (достойное всяческого научного изучения) средство, а как саму по себе цель, представление о психологии неизбежно редуцируется, теряет высшее измерение, возможность соотнесения с личностным, ценностно-смысловым уровнем и, разумеется, с душой в ее целостности, включающей и внутреннюю метафизическую сторону. Ставшая «тенью тени» душа перестает освящать психику, и немудрено, что в этих потемках легко оступиться, спутать добро и зло, не заметить черты между ними, поскольку шаги и действия в сторону того и другого могут осуществляться с помощью одних и тех же структур и способов функционирования психофизиологического и психологического аппарата. И если эти структуры, способы, инструменты, формы эффективны, успешны, приносят удовлетворение, повышают самооценку, хорошо адаптируют к миру сему — то они могут быть признаны нормальными, позитивными, вне зависимости от того, как они соотносятся с метафизическими смыслами и ценностями, к пользе или вреду душе ведут осуществляемые действия и проявления.

Тесно связана со сказанным и другая проблема: *личностного роста, личностного потенциала*. Едва ли не любой разговор о психотерапии сворачивает на тему личностного роста, однако не удается услышать при этом сколь-нибудь вразумительного ответа на вопрос, куда личности надо расти: на все четыре стороны и как можно выше или всё же есть сущность, поле, главное направление, мерило этого роста. Напомним слова Л.Н. Толстого, что люди только делают вид, что воюют, торгуют, строят. Главное, что они делают всю жизнь, это решают нравственные вопросы. Именно в этом он видел «главное дело человечества».

Психологи, как мы знаем, вряд ли готовы с этим согласиться: нравственная сторона бытия принципиально отторгнута от их поля зрения. Более того, современная психология занята нередко развенчанием нравственных основ: любовь редуцируется к элементарным влечениям, муки совести — к инфантильным комплексам, вера трактуется как невроз, привязанность как навык и т.п. На одном из семинаров в Германии меня поразили слова немецкого теолога. Он сказал, что когда к современному психотерапевту приходит пациент, то он часто — жертва

неправильной ориентации общества, воспитания. Но после того, как он прошел стандартный курс психотерапии, он становится, переходит на сторону своих палачей, т.е. этих неправильных ориентаций, и тогда он сам начинает калечить других своими воззрениями и действиями. Иными словами, поддерживается перевернутый порядок, обратный тому, о котором говорил Толстой, где главное — стройка, война, торговля. А расплата одна — искалеченными, несостоявшимися, уведенными во мрак человеческими судьбами (и просится добавить — душами). И никакая стремительно растущая армия психологов и психотерапевтов не спасет, пока она (вольно или не вольно) будет служить перевернутому в нравственном отношении миру.

Наконец, рассмотрим едва ли не центральное следствие редуцирования, затушевывания метафизической реальности — это обнаружившаяся с самого начала нарастающая утрата единства самой психологической науки. В упомянутый выше день торжественного открытия Психологического института при Московском университете об угрозе этому единству говорил уже основатель и первый директор Института профессор Г.И. Челпанов: «Психология распадается на такие части, которые совершенно друг с другом не связаны. Вследствие этого психология начинает утрачивать свое единство. Ей грозит распад... Нужно принять меры к сохранению единства психологии. Такому объединению может способствовать Институт, если в нем первенствующее место отводится общей психологии. Тогда общая психология и ее основные принципы будут иметь руководящее значение для всех возможных видов психологического исследования: для психологии детского возраста, зоопсихологии и др. Благодаря общей психологии они будут объединены» [Речи и приветствия..., 1994, с. 4].

Г.И. Челпанов считал, таким образом, что психологию соберет воедино особый ее раздел — *общая психология*, которую он понимал достаточно широко, говоря о ней через запятую как об «общей, теоретической, философской психологии». Из этой триады собственно общую (механизмы, правила, законы) можно считать вполне состоявшейся и постоянно пополняемой; теоретическая отмечена куда меньшим количеством (и качеством) исследований, философская оказалась и вовсе в загоне (хотя, как подчеркивал Челпанов, «конечные ключи от психологии лежат в философии»). Спустя 15—20 лет о важности общей психологии как скрепляющем моменте говорил Л.С. Выготский. При этом он также апеллирует еще к философии, обозначая общую психологию (ее суть, идеал) как «философию практики». Наконец, спустя 60 лет третий выдающийся отечественный психолог А.Н. Леонтьев говорил о том же: психология рассыпается, расплзается, она растет, —

как он любил повторять на лекциях, — «не в ствол, а в куст», она переполнена отдельными фактами и даже их прочными соединениями (строительными блоками), но нет единого здания, даже эскиза его. В своей Президентской речи на открытии XVIII Международного психологического конгресса в Москве он сравнил современную ему психологию с Приамом, сидящим на развалинах Трои. Что касается философского начала, то оно было (с неизбежностью) отодвинуто, редуцировано в советский период до обязательного для всех марксизма-ленинизма.

Разделим две стороны: диагноз — рассыпание психологии, ее кустообразное развитие, и лечение — создание скрепляющей общей психологии, объединяющей разрозненное. Диагноз очевиден: сегодня, как и во времена Челпанова, Выготского, Леонтьева (точнее, в куда большей, чем при них, степени), психология представляет конгломерат феноменов, фактов, школ, направлений, чаще почти никак друг с другом не связанных. Предлагаемое корифеями лечение несомненно полезно, значимо, даже необходимо, но отнюдь не достаточно: перманентный его провал, постоянное возвращение к одному и тому же положению (ставшему давно рутинным, привычным) вполне доказывают это.

Для поиска ошибки, вернее, недостающего в лечении звена, обратим внимание на забытую тенденцию (интуицию), связанную с ролью философии психологии как высшего, замыкающего (созидающего купол) уровня общепсихологического подхода [Братусь, 2003]. Челпанов был прав: «конечные ключи от психологии лежат в философии»; прав и Выготский, видя предельную задачу общей психологии в том, чтобы стать «философией практики». Психология в дальнейшем не воспользовалась в полноте этим направлением, свернув к добыванию бесконечного уже конгломерата фактов, описаний, коррелятивных связей, редко поднимающихся (низко висящих) над эмпирией обобщений, и, как край, к объяснительным редукциям (картинкам и графикам) нейронаук. В свое время А.В. Петровский назвал подобное коллекционным подходом (где важен всё новый экспонат, а не общее значение и смысл собираемого). Или, если вернуться к Толстому, исследователи радовались, что тень (уже двойная, как мы видели: от души — на психику и от психики — на ее явления, а если учесть нейроувлечения, то и тройная — на мозговое обеспечение этих явлений) становится все более сплошной, густой, систематизированной, материализованной.

Между тем основания возможного единства могут быть обретены (риском добавить — только) через связь с иными, более высокими, нежели сама психология, отнесениями. Разумеется, уже исходные уровни

общепсихологического анализа (механизмы и теории), несомненно, выше (общее) отдельных частей и направлений [Братусь, 2003], которые, как и во времена Челпанова, «совершенно друг с другом не связаны». Но, видим мы, они не могли до сих пор соединить, дать образ (абрис) целого, и наука наша остается недостроенной вавилонской башней, застигнутой смещением языков. Причина этого заключается в том, что скрепляющее начало не в самой психологии находится, поэтому не в тонкости и совершенстве экспериментального исследования и анализа обретается. Оно может быть обретено (не «снизу», а «сверху») через философию психологии (философскую психологию), перед которой в числе первостатейных станет вопрос об отношении к представлениям о душе, ее внешней и внутренней сторонам. Камень, отвергнутый строителями психологии, должен лечь во главу угла.

* * *

Итак, многие проявления внешней стороны души из внимания и исследования психологии никогда не уходили, но просто были переименованы и, что главное, рассматриваемы вне связи с той реальностью, которая называется именно душой, а не психикой. Здесь, казалось бы, нет препятствий к возвращению этой стороны души. Преткновения (из-за которых, как мы знаем, душа и была вовсе удалена из научной психологии) начинаются с того, что *внешняя* сторона необходимо подразумевает *внутреннюю*. Бытие души не есть бытие, расколотое на две независимые части, так что, отделяя в исследовательских целях одну от другой, мы должны отдавать отчет, что совершаем некоторую редукцию, упрощение и только постоянное (часто драматическое, подчас трагическое) взаимодействие и подразумевание сторон есть условие целостности души.

Ясно при этом, что психология как наука обращена к протяженному и измеряемому, к движению субъекта по горизонтали времени и жизни, тогда как осмысление вертикальной устремленности к вневременному и непротяженному относимо уже к философскому и религиозному подходам. Да и вообще, возникает вопрос: насколько в окружающей нас жизни возможны реальное соотнесение, сопряжение, встреча столь разных плоскостей: незримых, духовных, лежащих вне времени, протяжения и даже вне самого субъекта, а с другой стороны — всего нами зримого, временного, конечного, протяженного, измеряемого?

Между тем это антиномическое сопряжение при всей его, казалось бы, сложности, вернее невозможности, не просто необходимо, но неизбежно, неминуемо в феномене человеческой культуры. Уходит из

жизни конкретный ученый, но не наука. Любящий, но не любовь. Поэт, но не поэзия. Друг, а не дружба. Мы скорбим неутешно («плачем и рыдаем») по другу, по любимому или любимой, для нас бывшими единственными и нас на этой земле навсегда оставившими. Но дружба и любовь — понятия одновременно иной, вертикальной отнесенности — духовно-нравственные (материалист может поправить — культурно-нравственные), а значит, в этом плане, они уже непреходящие, остающиеся с нами (и после нас). Мы «плачем и рыдаем» в скорби не о них, напротив, они в тот момент проявляются, утверждаются, подчас с особой силой, переходя из смутной слитности и растворенности в бытийной суеде в отдельное и ясное присутствие. Они словно выходят из тени, впервые, может быть, субъективно предстоит не как отвлеченные умозрения или назидательная пропись, а как озарение, переживание, проживание, предчувствование, свидетельствование реальности неизменного и вечного. И пусть это драгоценное, так дорого давшееся знание нас уже не покинет, не затмится «шумом и яростью» повседневности, но останется тем памятованием, которое будет укреплять и возвышать отныне наше понимание жизни, а значит, и саму нашу жизнь, ее смысл и значение.

На данном примере можно лишний раз показать разность плоскостей «душевного» и «психологического», «духовного» и «личностного». «Душевными», как уже говорилось, обычно называют проявления внешней стороны души, настолько тесно связанной с психикой, что понятия «психического» и «душевного» нередко не различаются в восприятии, становясь чуть ли не синонимичными (напомним: психическая или душевная травма, психическое или душевное заболевание и т.п.). Нельзя, однако, не замечать при внимательном рассмотрении ряд специфических оттенков и определенную смысловую дистанцию терминов. Это связано прежде всего с обсуждавшейся выше коллизией «предмета» и его «проекции». Характеристики «душевного», конечно, подразумевают конкретные психологические параметры, но не сводимы, не растворимы до конца в последних. Для «душевного» «психическое» — это возможность найти конфигурацию (партитуру) параметров и свойств для своего адекватного (соответствующего) выражения.

Разумеется, подобные связи весьма обоюдны (вплоть до иллюзии слияния, которая появилась отнюдь не случайно). Напомним в этой связи теорию эмоций Джеймса—Ланге, суть которой, огрубленно, можно свести к парадоксам типа «мы плачем не потому, что нам грустно, а нам грустно, потому что мы плачем». Или: «мы смеемся не потому, что нам весело, а нам весело, потому что мы смеемся» [Вилюнас, 2004, с. 109]. Хорошо известно, что принятие так называемой «позы аффек-

та», — скажем, опущенные плечи, поддерживаемая руками голова, тяжкие вздохи и т.п., — способно через некоторое время навевать уныние, равно как расправление плеч, придание взгляду бодрости, а фигуре молодцеватой подтянутости, будучи даже искусственно предпринятыми, могут привести к улучшению самочувствия и настроения⁶. Но при всей важности и тонкости этих открытий, речь все же о прочно закрепляемых вторичных связях, играющих весомую роль (в том числе и весьма положительную), однако могущих привести в случаях неразличения к искаженному пониманию исходного порядка. Тогда тень наплывает, подменяет, замещает предмет, как бы становится им, и некому уже (изнутри или снаружи), как в сказке Евгения Шварца, сказать со властью: «Тень, знай свое место!»

Еще раз отметим: речь идет, конечно, не о принижении, задвигании «психического», но лишь о попытке понять его роль как уникального инструмента человеческой жизни. И в этом плане методологически крайне важно не путать, не идентифицировать его функции и возможности с производимой (задуманной) мелодией и ее исполнителем. Когда мы слышим определенного тона звуки и переливы, то говорим, например, что это флейта. Но флейта не звук, не рулады и — тем более — не музыка, способная вызвать радость или печаль, а трубочка с дырочками, готовая, настроенная к игре или не готовая, расстроенная, сломанная. Так и с «психическим» — повторим: не оно страдает и радуется, но душа человеческая, осознающая, чувствующая, переживающая, узнающая, передающая это посредством тончайшего, данного природой и культурой (для верующего — Богом) инструмента, степени его готовности и настройки.

«Духовное», видели мы, связано по преимуществу с внутренней стороной души (диада «тело—душа», опосредствованная «психикой») или выносимо в отдельную инстанцию и пространство, и тогда «душе» (пониманию души) остается по преимуществу внешняя, чувственная сторона. Напомним еще раз, что писал Владимир Даль о значении слова «дух»: «Относя слово это к человеку, иные разумеют душу его, иные же видят в душе только то, что дает жизнь плоти, а в духе высшую искру Божества, ум или волю, или же стремление к небесному» [Даль, 1995, с. 503]. Мы знаем также, что «духовное» понимается многими не только религиозно, но и светски, например, философски-нравственно, но, в любом случае, речь идет о предельных категориях, несущих ценность уже в самих себе, о том уровне, который смыслообразует, смыслопо-

⁶ На чем, в частности, во многом построены аутогенная тренировка, методы самовнушения, психодрама, вхождение актера в роль, человека в профессию (мундир делает офицера) и т.п.

рождает остальные, — в этом плане — всегда о «стремлении к небесному», метафизическому, воспаряющему.

Если продолжать выше приведенную коллизию жизненной потери, то душа скорбит неутешаемо по ушедшему навсегда любимому человеку, она, как говорят, «разрывается» — рвется от горя «душевные струны» (всех психологических и психофизиологических инструментов скорбящего), тогда как «дух», «духовное», пройдя сквозь скорбь и смуту, призваны укорениться в незыблемом и постоянном, в реальности всегдашнего присутствия и действия неустрашимой (даже фактом смерти) любви, что пребывает неизменно и цельно в неведомых нам, но всегда чаемых, всегда нами как-то представляемых «небесах» (причем субъективно помещаемых часто не снаружи — в высоте и холоде космоса — а где-то теплящихся внутри нас же самих). И здесь, наверное, как нигде, мы не просто умственно и отвлеченно, а всем существом проходим, переживаем, являем собой антиномию человеческого бытия — одновременность «да» и «нет», возвышенного и земного. «От скорби по умершим, — констатирует священник Александр Ельчанинов, — не защитит нас ни естественная наша привязанность к жизни, ни мужество перенесения страданий, ни житейская мудрость, ни даже вера, как бы ни была она велика». И одновременно «смерть близких — опытное подтверждение нашей веры в бесконечность. Любовь к ушедшему — утверждение бытия другого мира. Мы вместе с умирающим доходим до границы двух миров — призрачного и реального: смерть доказывает нам реальность того, что мы считали призрачным, и призрачность того, что считаем реальным» [Ельчанинов, 2013, с. 50—51].

* * *

Но если «душевное» и «психическое» инструментально тесно связаны, то можно ли то же сказать о «духовном» и «психическом»? Правомерно ли, вообще, рассуждать о выражении «духовного» через инструменты «психического», и не прибывает ли «духовное» сугубо бесплотно, не нуждаясь в «психологических» (в том числе «личностных») медиациях?

Начнем ответы со светского понимания «духовного», к которому обычно относят высшие (не материальные) человеческие потребности и ценности (их так и называют — «духовными») и соответствующую активность, направленную на эти потребности и ценности, такие как познание, истина, любовь, благо, творчество и др. Очевидно, что подразумеваемым условием осуществления области «духовного» остается при этом задействование и всех уровней психологического функционирования. Однако место, иерархия, соотношение этих уровней иные, чем при

взаимодействии с областью «душевного». Если собственно «психическое» и область его «оплотнения» — «психофизиологическое» — являются главными инструментами осуществления («озвучивания», «очувствования» и т.п.) внешней стороны души — «душевного», то ведущим, стержневым, опорным по отношению к духовным потребностям и ценностям становится «личностное» как особое образование и инстанция (уровень) психологического аппарата. Если «психическое» (разумеется, упрощенно и достаточно условно) — рабочий инструмент каждодневных (каждосекундных) адаптации, реагирования, ориентировочной деятельности в непосредственном окружении, то «личностное» — в конечном итоге — арсенал выбора, ориентации, сличения, обнаружения рассогласования, контроль и оценка следования духовно-нравственным смысловым пространствам и установлениям.

Заметим лишний раз, что речь в нашем контексте именно об *инструментах, органах* («функциональных органах») осуществления, воплощения, выражения: ведь мыслит не мышление, страдают, скорбят и радуются не психологические функции, механизмы и процессы, а человек, наделенный душой и духом как высшими формами отнесенности к миру, людям и себе (для верующего, в первую очередь, к Богу). Мы видели выше как психология абстрагировалась от этой онтологической отнесенности — сначала ради чистоты научного метода (как вынужденное условие), но затем, вытеснив, забыв о принятой условности, стала постепенно рассматривать тень как сам предмет, наделяя психику не присущими ей свойствами и полномочиями. Пока речь шла о непосредственных механизмах ощущений или внимания (скажем, «физиологическая психология» начала прошлого века), элиминирование души могло быть не столь заметным и казалось лишь необходимой минимальной платой за научную точность. Но со временем, когда центр интереса все более очевидно стал смещаться в область «личностного», развилка, расхождение между реальностями «души» и «психики», «личности» и «духа» становятся все более разительными и требуют, в частности, все больших ухищрений и защит, чтобы стать вовсе не замечаемыми, маскируемыми. В результате не только «психика», но и «личность», лишённые высшей отнесенности, оказались переведенными на полное, если можно так сказать, самообслуживание (саморазвитие, самоактуализация, самотрансцендирование и т.п.), вне (вопреки, поперек) всякой смысловой животворящей связи с пространствами «душевного» и «духовного».

Между тем острейшей проблемой в психологии остается поиск путей преодоления функционализма, разделения на отдельные процессы и области (на что, как мы помним, сетовал еще Челпанов в начале про-

шлого века). Выработка ряда методологических положений была среди прочего направлена против подобного разделения. Взять хотя бы принцип «единства аффекта и интеллекта», провозглашенный в школе Выготского. Призывы к осуществлению подобных принципов в этом плане могли бы стать приглашением к возвращению категории души (по крайней мере, ее внешней стороны). Однако реализация этого не могла случиться в годы советской власти, что, думаю, достаточно ясно читателю. Но и на Западе, в иных культурно-исторических условиях развития науки, душа оказалась методологическим изгоем — неприкасаемым и не называемым. Гордон Олпорт, например, констатировал, что между двумя мировыми войнами понятие души практически исчезло из психологии [Олпорт, 2002]. Поэтому совершенно отдельное место заняла концепция логотерапии и экзистенциальной психологии Виктора Франкла, появившаяся после (можно сказать, что во многом вследствие трагедии) Второй мировой войны (в продвижении этой концепции в Америку, что способствовало ее распространению в мире, особую роль сыграл тот же Олпорт). «Духовное», «душа» занимают в этой концепции особое место, во многом определяя понимание единства человеческого поведения.

Другое дело, что единство это не следует понимать как слияние уровней — вплоть до возможности их подмены в восприятии (хотя топор, по видимости, слит с рукой опытного плотника, но остается лишь инструментом, животворимым мастером). Тем более это касается таких иерархически разных образований, как «личность» и «дух». Личность, при всей сложности, многоплановости и высоте, в психологическом плане — форма уложения и осуществления, видимая, явленная ипостась невидимого духа.

Некоторой аналогией к сказанному может послужить отношение «закона» (юридического, нравственного, богословского) и «благодати» (блага для человека). «Закон» в идеале должен быть не чем иным, как «сосудом благодати» — формой, ее так или иначе удерживающей, ее собой защищающей, обеспечивающей тот последний рубеж, нижнюю границу, что не даст благу уйти от человека, утечь, расплескаться впустую⁷. «Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь Бог твой» — таково предписание известного библейского закона, заповеди, но далее, через запятую, следует название того блага, которое ограждает, защищает, несет в себе это предписание: «...чтобы продлились дни

⁷ Если говорить о юстиции, то речь о нижней границе справедливости («юстиция» по-латыни и есть «справедливость»). Юридические законы, по мысли В.С. Соловьева, нужны не для того, чтобы на земле осуществить рай, а для того, чтобы на ней не наступил ад.

твои и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Втор 5:16). Со временем это подразумеваемое единство все более расторглось: «закон» погружался в дебри самих по себе юридических хитросплетений, сиюминутных интересов политики, государства, церкви, а «благодать» — в область частной жизни, нравственных и религиозных подвигов и откровений. Но закон вне благодати — пустой сосуд, равно как психика вне души и личность вне духа.

Отсюда — настала необходимость (если не неизбежность) возвращения «души» и «духа» как фундаментальных категорий в научную психологию. Причем возвращение не надо мыслить уже как уступку, компромисс, скажем, допущение лишь внешних проявлений души (реальное рассмотрение которых, как мы теперь знаем, и не уходило из психологии), тогда как внутренние глубины следует оставить далеко за пределами профессионального интереса. Психология, желающая быть чем-то большим, чем инструкция по устройству, применению и починке психологического аппарата, большим, по словам В.И. Слободчикова, чем «психология психики», через признание и опыты соотнесения с метафизической внутренней стороной может обрести опору, почву и контекст своего особого неповторимого служения в познании человека и мира.

Ясно при этом, что если внешняя сторона может быть правомерным предметом *непосредственного* исследования, то сторона внутренняя — только предметом метафизического *опосредствования*, соотнесения, нахождения (и исхождения) предельных форм смыслообразования. Понятно также, что возвращение души потребует возобновления диалога (триалога) психологии с философией и теологией, их новой встрече после более чем столетия развития врозь. Хочется верить, что время разбрасывания камней миновало и настала пора их собирать. И тогда становится едва ли не главной задачей вернуть научной психологии душу и душе — научную психологию.

ЛИТЕРАТУРА

- Аракелов Г.Г.* Будущее российской психологии — в развитии нейронаук // Национальный психологический журнал. 2012. № 2. С. 64—65.
- Братусь Б.С.* Русская, советская, российская психология. М.: Флинта, 2000.
- Братусь Б.С.* Общая психология: метафизический и прагматический смыслы // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 2. С. 18—24.
- Виллюнас В.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2004.
- Гусев А.Н.* Общая психология: в 7 т.: учебник для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Б.С. Братуся. Т.2 Ощущение и восприятие. М.: Академия, 2007.
- Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Дрофа, 1995.

- Ельчанинов А., прот. Живой опыт сердца. М.: Братство св. Апостола Иоанна Богослова, 2013.
- Кондратьев М.Ю. Проникновение религиозного влияния в образовательный процесс // Скепсис. 2005. № 3—4. С. 154—157.
- Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Двери сердца твоего. М.: Братство св. Апостола Иоанна Богослова, 2013.
- Олпорт Г. Становление личности: избранные труды. М.: Смысл, 2002.
- Полный церковно-славянский словарь/ сост. прот. Г. Дьяченко. М.: Отчий Дом, 1993.
- Психология. Словарь. М.: Политиздат, 1990.
- Речи и приветствия в честь открытия психологического института им. Л.Г. Щукиной. Репринт. воспроизв. изд. 1894 г. М.: Психологический институт РАО, 1994.
- Слободчиков В.И. Христианская психология в системе психологического знания // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 3. С. 23—31.
- Франк С.Л. Предмет знания. Душа человеческая. СПб.: АСТ, 1995.
- Челпанов Г.И. Психология и школа: сборник статей. М.: Школа, 1912.

"PSYCHE" AND "PERSONALITY" IN THE ABSENCE OF "SOUL" AND "SPIRIT"

B.S. BRATUS

The cultural-historical conditions and reasons of the extinction of the notion of soul from the scientific psychology lexicon are described. The foundations of its return are given. The premises and concrete methodological ways for this are outlined. The comparative analysis of the usage of notions "soul", "spirit", "psyche", "person", and derivatives — "soulful", "spiritual", "psychical", "personal", is conducted. The features of outside and inside aspects of soul and the ways of their presentation and classifying with respect to the different levels of psychical apparatus are described. It is concluded that a new period of relations between psychology and philosophy is being established, and that there is a necessity of founding and developing a new science — the philosophy of psychology.

Keywords: personality, psyche, soul, spirit, methodology of science, philosophy of psychology, theology.

- Arakelov G.G.* Buduschee rossiyskoy psikhologii — v razvitii neyronauk. Natsionalnyi Psikhologicheskii Zhurnal, № 2, 2012. S. 64—65.
- Bratus B.S.* Russkaya, sovetskaya, rossiyskaya psikhologiya. M.: Flinta, 2000.
- Bratus B.S.* Obschaya psikhologiya: metafizicheskii i pragmaticheskii smysli // Psikhologicheskii Zhurnal. 2003. T. 24. № 2. S. 18—24.
- Vilyunas V.* Psikhologiya emotsyi. SPb.: Piter, 2004.

- Gusev A.N.* Obschaya psikhologiya: v 7 t.: uchebnik dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy / pod red. B.S. Bratusya. T.2. Oshchuschenie i vospriyatie. M.: Akademiya, 2007.
- Dal' V.* Tolkoviy slovar' zivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. T. 1. M.: Drofa, 1995.
- Elchaninov A. prot.* Zhivoy opyt serdtsa. M.: Bratstvo sv. Apostola Ioanna Bogoslova, 2013.
- Kondratiev M.Y.* Pronikновение religioznogo vliyaniya v obrazovatelnyi protsess. Skepsis № 3—4, 2005. S. 154—157.
- Luka (Voyno-Yasenetskiy), arkhiep.* Dveri serdtsa tvoego. M.: Bratstvo sv. Apostola Ioanna Bogoslova, 2013.
- Olport G.* Stanovlenie lichnosti: izbrannye trudy. M.: Smysl, 2002.
- Polnyi tserkovno-slavyanskiy slovar/ sost. prot. G. Diyachenko. M.: Otchiy Dom, 1993.
- Psikhologiya. Slovar. M.: Politizdat, 1990.
- Rechi i privetstviya v chest otkrytiya psikhologicheskogo instituta im. L.G. Schukinoy. Reprint. vosproizved. izd. 1894 g. M.: Psikhologicheskiy Institut RAO, 1994.
- Slobodchikov V.I.* Khristianskaya psikhologiya v sisteme psikhologicheskogo znaniya. — Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal. № 3, 2007. S. 23—31.
- Frank S.L.* Predmet znaniya. Dusha chelovecheskaya. SPb.: AST, 1995.
- Chelpanov G.I.* Psikhologiya i shkola: sbornik statey. M.: Shkola, 1912.